

*Посвящается моему отцу, Моррису Норману Керцеру,
и моей дочери, Молли Эмили Керцер,
с любовью и признательностью*

ИТАЛИЯ В 1861 Г.

Масштаб: 0 50 100 миль

Пролог

Э то был конец целой эпохи. Режимы, существовавшие столетиями, готовились рухнуть. На Апеннинском полуострове, в Италии, ветхий мир папства и традиционной власти с тревогой взирал на разномастных приверженцев Просвещения и Французской революции, а также поборников современной промышленности, науки и торговли. Горделивые борцы за старое и за новое смотрели друг на друга с опаской, совершенно не понимая друг друга. Каждая из сторон размахивала собственными знаменами, провозглашала собственные истины, чттила собственных кумиров, возносила хвалу своим героям и обдавала презрением врагов. Революционеры мечтали об утопическом будущем, несколько не похожем на гнетущее настоящее, либералы воображали новый политический строй, основанный на конституционном правлении, и даже консерваторы начали задумываться: а долго ли еще продержатся старые порядки? Рождались новые божества, появлялись новые предметы поклонения. В Италии из мозаики, сложившейся из обособленных герцогств, Великого герцогства Тосканского, Бурбонского и Савойского королевств, австрийских аванпостов и, наконец, самой Папской области, вскоре должно было возникнуть новое суверенное государство. Пока еще никто не знал, где именно пройдут его

границы, и даже представить себе не мог, какой будет его природа. Подданным вскоре предстояло превратиться в граждан. Однако массе неграмотных крестьян так и не суждено было ощутить перемены на себе.

Нигде больше на Западе пропасть между старым и новым миром не была так велика, как в землях, принадлежавших папемонарху. В самом деле, где еще владычество, опиравшееся на божественное право, могло бы укорениться так глубоко и найти себе столь же крепкое идеологическое обоснование, обрасти столь же зрелищными и сложными обрядами? Папа римский уже много веков оставался мирским государем, повелителем своих подданных, и границы его владений в 1858 году — дугообразно пролежавшие от Рима к северо-востоку, огибая Великое герцогство Тосканское, и далее тянувшиеся на север, ко второму по важности городу Папской области, Болонье, — были почти такими же, что и три с половиной столетия тому назад. Папа правил своим государством потому, что такова была воля Божия. Революционные представления о том, что люди должны сами выбирать себе правителей, что они вольны сами думать все, что им угодно, и верить в то, во что сами желают верить, — все эти идеи казались папству не просто ошибочными, а еретическими. Все это — происки Дьявола, козни франкмасонов и прочих врагов Господа и религии. Мир таков, каким ему предрешил быть Бог. Прогресс же — ересь.

Но хотя в 1858 году государство пап продолжало существовать, предыдущие семь десятилетий оказались для него далеко не безоблачными. В 1796–1797 годах, когда на Апеннинский полуостров хлынули французские солдаты, Папская область оказалась захвачена; в последующие годы двум папам пришлось покинуть Рим и отправиться в унижительную ссылку, а церковное имущество ушло с молотка, что позволило Наполеону набить сундуки. После падения Наполеона в 1814 году папа Пий VII вернулся в священный город и Папское государство было восстановлено, однако то, что прежде представлялось незыблемым порождением божественного порядка вещей, отныне выглядело

страшно уязвимым. Всюду возникали заговоры против мирской власти папы, то и дело вспыхивали бунты. В середине века еще одному папе пришлось бежать из Рима — на сей раз из страха перед толпой, готовой на смертоубийство. Ему понадобилась помощь иностранных войск, чтобы вернуться к власти и затем держать оборону против собственных мятежных подданных.

Среди этих подданных (впрочем, в большинстве своем далеко не склонных к бунтарству) были и евреи — “папские евреи”. Хотя евреи жили в Италии задолго до того, как там появились первые христиане, им по-прежнему не удавалось избавиться от статуса чужаков, вынужденных испрашивать разрешения оставаться там, где они издавна жили, словно речь шла о какой-то привилегии. При своей малочисленности — во всем Папском государстве евреев насчитывалось не больше пятнадцати тысяч¹ — они тем не менее постоянно присутствовали в сознании духовенства, так как занимали центральное (хоть и незавидное) место в католическом богословии. В евреях видели убийц Христа, и их неизменно жалкое существование служило ценным напоминанием для верующих. Вместе с тем когда-нибудь и им суждено было узреть свет истинной религии и влиться в нее, дабы приблизить возвращение Искупителя. В XVI веке папы загнали евреев в гетто, чтобы пресечь распространение “заразы”. Христианам не позволялось входить в дома иудеев — евреи жили особняком. При этом гетто отнюдь не были лишены своих радостей и утешений. Там евреи жили собственной насыщенной жизнью — со своими общественными институтами, синагогами, раввинами и главами общин. У них случались свои ссоры и свои торжества — а главное, у них были свои собственные, дарованные Богом обряды и порядки, которые четко определяли каждый день жизни и каждую пору года.

Но евреи тоже увидели проблеск нового мира, когда французские войска, повсюду сеявшие веру в светскую троицу — свободу, равенство и братство, пройдя чуть ли не всю Европу, сломали ворота гетто и сожгли их на очистительном

костре в назидание народу. После ухода солдат, порой под недобрые взгляды соседей-христиан, евреи — кто с ликованием, а кто и с ужасом — начали делать первые робкие шаги в сторону от того мира, который и для их предков, и для них самих долгое время оставался единственным ведомым миром.

Излагаемые здесь события, в своей совокупности образующие целый этап (странным образом забытый) в истории той борьбы, которая положила конец старому режиму, начались в 1858 году в славной своими портиками Болонье — по сути, в самом сердце ее средневекового центра с булыжными улицами и маленькими площадями. В то время на престоле Святого Петра в Риме сидел папа Пий IX, а Вечный город патрулировали французские войска. Двое из трех самых могущественных людей в Болонье были кардиналами: архиепископ, духовный глава города, и кардинал-легат, представлявший здесь папскую власть, то есть гражданский правитель. Третьим влиятельным человеком был военный — австрийский генерал, чьи войска (наряду с отрядами французов в Риме) следили за тем, чтобы шаткое папское правительство не рухнуло.

Прямо напротив штаба, где расположился генерал, по другую сторону улицы, стояла заслуженно знаменитая доминиканская церковь — Сан-Доменико. На этом месте скончался некогда сам святой Доминик, и там по сей день почтительно хранятся в раке его кости. Там жил инквизитор, на которого Конгрегация Священной канцелярии в Риме возложила обязанность искоренять ересь и защищать веру. В его задачи входило и наблюдение за тем, чтобы ограничения, наложенные на евреев, неукоснительно соблюдались.

В течение двух веков болонским инквизиторам не приходилось тревожиться из-за евреев, потому что в 1593 году папа римский изгнал из города и с прилегающих к нему территорий всех живших там евреев — числом около 900. Вслед за французской оккупацией, которая произошла в 1790-е годы, некоторые бесстрашные евреи вернулись на прежние места, но когда Папская область была восстановлена как государство, их статус

снова оказался очень ненадежным, а само их право на проживание в этом городе оставалось более чем спорным. И все же в 1858 году в Болонье жило около 200 евреев. По большей части это были купцы, которым удалось обеспечить безбедную жизнь для своих семей. Помня о смешанных чувствах церковных властей по поводу их присутствия в этом некогда запрещенном городе, евреи не испытывали ни малейшего желания привлекать к себе внимание, а потому у них не было ни синагог, ни даже раввинов.

Подобно многим другим евреям, перебравшимся сюда из гетто в других городах, Момоло Мортара и Марианна Падовани Мортара приехали в Болонью из соседнего Моденского герцогства. Вместе с детьми и служанкой-католичкой они тихо и неприметно жили в одном из домов в центре города. Вскоре эту тишину и неприметность постигнет трагический конец.

Глава 1

Стук в дверь

Стук раздался в сумерках. Это случилось в среду, 23 июня 1858 года. Анна Факкини, 23-летняя служанка, спустилась по лестнице из квартиры Мортары и открыла парадную дверь. Перед ней стоял полицейский в форме и еще один человек, пожилой мужчина — судя по осанке, военный¹.

— Здесь живет синьор Момоло Мортара? — спросил фельдфебель Лючиди.

Да, ответила Анна, но сейчас синьора Мортары нет дома. Он вышел вместе со старшим сыном.

Когда эти люди повернулись и ушли, служанка заперла дверь и вернулась в квартиру, чтобы доложить о тревожном визите своей госпоже, Марианне Мортаре. Марианна что-то шила за столом в общей комнате, а рядом сидели ее дочери-близнецы, одиннадцатилетние Эрнеста и Эрминия. Пятеро младших детей — десятилетний Аугусто, девятилетний Арнольдо, шестилетний Эдгардо, четырехлетний Эрколе и шестимесячная Имельда — уже спали. Марианна немного забеспокоилась, подумала — скорее бы вернулся муж.

Через несколько минут раздался шум шагов — кто-то поднимался по задней лестнице, куда можно было попасть из соседской квартиры. Марианна отложила шитье и внимательно

прислушалась. Ее опасения подтвердились: теперь постучали с черного хода. Она подошла к двери и, не прикасаясь к ней, спросила, кто там.

— Полиция, — ответили ей. — Впустите нас.

Марианна, еще отчасти надеясь, что произошла какая-то ошибка, сказала полицейским (молясь о том, чтобы это уже не было известно им самим): они находятся сейчас возле задней двери той самой квартиры, куда стучались снизу несколько минут назад.

— Синьора, это неважно. Мы полицейские, и мы хотим войти. Не бойтесь, мы не сделаем вам ничего дурного.

Марианна отперла дверь ипустила двоих незнакомцев. Она не заметила других людей из наряда папской полиции: одни остались на нижних ступеньках, другие ждали на улице.

В квартиру вошел Пьетро Лючиди, фельдфебель папского отряда карабинеров и начальник полицейской команды, а за ним последовал бригадир Джузеппе Агостини в гражданской одежде. Один вид военных полицейских Папской области, непонятно с какой целью явившихся поздним вечером, вселил в Марианну страх.

Фельдфебель, которого отнюдь не радовала порученная ему миссия, увидел, что женщина сильно взволнована, и попытался ее успокоить. Вынув из кармана куртки небольшой листок бумаги, он сообщил ей, что ему необходимо уточнить кое-какие сведения о ее семье, и попросил назвать имена всех членов семьи, начав с мужа и себя, а затем перечислив всех детей в порядке старшинства. На Марианну напала дрожь.

Возвращаясь в тот приятный июньский вечер домой вместе с 13-летним сыном Риккардо с прогулки под знаменитыми болонскими портиками, Момоло очень удивился, когда увидел, что у его дома толкуются полицейские. Он поспешил подняться к себе в квартиру и обнаружил, что с его перепуганной женой разговаривают офицер полиции и еще какой-то незнакомый человек.

Когда Момоло вошел к себе, Марианна вскричала:

— Ты только послушай, чего эти люди от нас требуют!

Фельдфебель Лючиди уже понял, что худшие опасения, связанные с его миссией, сбываются, но все-таки почувствовал некоторое облегчение, когда появился Момоло: с мужчиной как-никак иметь дело легче. Он вновь сообщил, что ему поручено выяснить, из кого состоит семья Мортара. Момоло, так и не добившись объяснения, к чему эти зловещие расспросы, принялся перечислять имена, называя самого себя, жену и каждого из восьмерых детей.

Фельдфебель сверял все имена со своим списком на листке. Отметив всех десятерых членов семьи, он заявил, что теперь ему нужно увидеть каждого из детей. От такого требования испуг Марианны перерос в настоящий ужас.

Момоло указал на Риккардо, Эрнесту и Эрминию, собравшихся вокруг родителей, но попросил не тревожить остальных детей, которые давно уснули.

Фельдфебеля, возможно, и тронула эта просьба, но он непреклонно настаивал на своем. В конце концов супруги Мортара провели двух полицейских через собственную спальню, а за ними по пятам последовали трое старших детей и служанка. Там спал на диване-кровати шестилетний Эдгардо. Его родители еще не знали, что в списке, который имелся у фельдфебеля, имя Эдгардо подчеркнуто.

Лючиди попросил Анну увести из комнаты остальных детей. Когда они вышли, он вновь повернулся к Момоло и сказал ему:

— Синьор Мортара, я очень сожалею, но должен сообщить вам, что вы стали жертвой предательства.

— Какого еще предательства? — спросила Марианна.

— Вашего сына Эдгардо крестили, — ответил Лючиди, — и мне приказано забрать его.

Крики Марианны разнеслись по всему зданию, так что полицейские, выставленные перед входом в дом, вскоре сбежали наверх, в спальню. Старшие дети очень испугались и тоже потихоньку вернулись в комнату. Истерически рыдая, Мари-

анна бросилась к постели Эдгардо и прижала к себе сонного мальчика.

— Если вы собираетесь отобрать моего сына, вам придется сначала убить меня!

— Наверное, произошла ошибка, — сказал Момоло. — Моего сына никто никогда не крестил... Кто это говорит, что его крестили? Кто говорит, что его нужно забрать?

— Я лишь действую в соответствии с приказом, — умоляюще произнес фельдфебель. — Я просто выполняю приказ инквизитора.

Ситуация, похоже, выходила из-под контроля, и Лючиди уже охватывало отчаяние. Позднее он написал в своем отчете: “Не знаю даже, как описать то действие, которое произвело мое роковое извещение. Могу лишь заверить вас, что я предпочел бы тысячу раз подвергнуться гораздо более серьезным опасностям при выполнении служебного долга, чем сделаться свидетелем такой душераздирающей сцены”.

Марианна продолжала выть, не отходя от постели Эдгардо, Момоло твердил, что все это — чудовищная ошибка, дети плакали, и Лючиди просто не знал, что делать. Оба родителя встали на колени перед окончательно смутившимся фельдфебелем и принялись умолять его во имя человечности не отбирать у них дитя. Немного смягчившись (и наверняка подумав, что во всей этой истории виноват инквизитор), Лючиди предложил Момоло вместе с сыном отправиться к инквизитору в находившийся неподалеку монастырь Сан-Доменико.

Момоло отказался: он боялся отдавать Эдгардо в руки инквизитора.

Лючиди вспоминал: “Пока я ждал, когда к отчаявшимся матери и отцу, которых охватил мучительный ужас, вернется рассудок, чтобы довести дело до неизбежного завершения, в дом начали приходить разные люди — то ли по собственному почину, то ли потому, что их позвали”.

Дело в том, что с разрешения Лючиди Момоло послал Риккардо оповестить брата и дядю Марианны и попросил его при-

вести пожилого еврея, жившего по соседству, — Бонаюто Сангвинетти, чье богатство и положение в общине, как надеялся Момоло, могли бы предотвратить надвигающуюся беду.

Риккардо помчался обратно в кафе, откуда они с отцом ушли меньше часа назад, и застал там двух своих дядьев — Анджело Падовани, брата матери, и Анджело Москато, мужа ее сестры. Позднее Москато так описывал эту встречу:

“Когда я сидел со свояком в кафе «Дженио» на виа Веттурины, прибежал мой племянник Риккардо Мортара, заливаясь слезами, и рассказал, что к ним домой нагрянули карабинеры и что они собираются похитить его брата Эдгардо”.

Оба родственника поспешили к дому семьи Мортара: “Мы увидели мать семейства в таком сокрушенном и подавленном состоянии, что словами не описать. Я попросил начальника жандармов объяснить мне, что тут происходит, и он ответил, что у него есть приказ (хотя сам приказ он мне так и не показал) от инквизитора, отца Пьера Гаэтано Фелетти, забрать Эдгардо, потому что мальчика крестили”.

Марианна была “вне себя от отчаяния”, вспоминал ее брат Анджело Падовани. “Она простерлась на диване, который служил еще и кроватью, — на диване, где спал Эдгардо, и крепко прижимала его к груди, чтобы никто не мог отнять у нее мальчика”.

Пытаясь что-нибудь придумать, чтобы полиция не забирала Эдгардо, Падовани и его свояк убедили фельдфебеля не уводить мальчика до тех пор, пока они не посоветуются со своим дядей, который живет неподалеку. Этот дядя — отец брата Марианны, тоже носивший имя Анджело Падовани, — все еще работал в этот час в принадлежавшем ему маленьком банке, в том же доме, где он жил.

Услышав от племянников о драматических событиях в доме Мортара, синьор Падовани решил, что их единственная надежда — личная встреча с инквизитора. Молодой Падовани побежал обратно, чтобы известить фельдфебеля о необходимости продлить отсрочку, а старший Падовани и Москато тем временем отправились в монастырь.